

ПУТЬ СТАЛИ

АЛЕКСЕЙ ПАВРОВ

Долг крови

Алексей Лавров

Путь стали

«Автор»

2019

Лавров А.

Путь стали / А. Лавров — «Автор», 2019 — (Долг крови)

Мальчишке из параллельного мира чудовищ, жутких легенд и Правды удаётся найти убежище в нашей реальности, но долг крови не оплачен. Он находит человека, кому эта реальность стала чужой. Дима уходит в мир Горислава, в его тело, и там долг крови становится его личным долгом – он сам жуткая легенда мира, «чужая тень», «перекрутень», волк-оборотень, воплощение мести.

© Лавров А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая	21
Глава 1	21
Глава 2	24
Глава 3	30
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Лавров

Путь стали

Пролог

В лесу шли двое, вернее, взрослый вёл за руку подростка, почти мальчишку. Высокий, худощавый ведун Остромысл шагал целенаправленно, его фигура выдавала немалую опытность в таких походах, а паренёк плёлся, часто спотыкаясь. Северное солнце уже скрылось за кронами сосен, в бору сгущались тени, но юному Гориславу стоило поднять взгляд к светлому пронзительно синему небу, чтобы с облегчением убедиться, что день не окончен, впереди ещё много времени до наступления темноты. Ему не улыбалось оказаться в лесу ночью, да и вся прогулка в целом не вызывала восторга.

Особенно не нравилось Горику, что его нежелание отправиться на лесную прогулку не волновало даже маму. Не то, что его никогда не пытались заставить делать что-то, чего он делать не хотел, редко, но такие вещи случались. Работами по хозяйству обременяли несильно, паренёк сам всегда охотно помогал старшим, понимая, что близким спокойнее, когда он в поле зрения.

В селе Горислава несколько раз пробовали бить знакомые мальчишки, но драться он не стал – три раза ему удавалось убежать, а два раза его всё-таки чувствительно отбучкали и поваляли по земле. В каждом случае он тут же жаловался старшим братцам, и они, не вдаваясь в несущественные детали, типа «за что?», безжалостно карали обидчиков.

Жили в селе и такие ребята, которые, не смотря на неизбежность расплаты, сразу распускали руки, их приходилось дразнить с безопасного расстояния, лучше всего с возвышения, например, со своего забора – так в случае опасности легче всего удрать. Большинство же других ребят перестали с ним не только играть, но и разговаривать.

Братья Добрыня, Пересвет и Бронислав как-то влиять или воспитывать не пытались, поскольку были ему неродные, сводные. Не смотря на это, или именно поэтому, в младшеньком Горике души не чаяли, во всём ему потакали, любой его поступок восторженно одобряли, а «невинные шалости» вызывали лишь добродушные улыбки.

Лишь сестрица Лана, тоже неродная, но самая любимая, удерживала его от совсем уже неприличных проказ. Играть с девчонками Горик считал для себя зазорным, но никогда не упускал случая поболтать, а её всегда огорчали его проделки – проказнику приходилось с этим считаться.

Когда его проделки всё-таки заходили за грань приличий, все проблемы со взрослыми односельчанами решал дядя Владислав, вообще-то, отчим, но действительно дядя, старший брат погибшего отца.

Здоровенному, суровому кузнецу очень важно, чтобы пасынок не чувствовал себя чужим, неродным в их большой семье, Горислав рано это смекнул и постоянно пытался определить границы снисходительности отчима. Паренёк уже терялся в попытках представить, что же ему такого ещё сотворить, чтобы тятка пусть не наказал, хотя бы повысил на него голос!

В самых крайних случаях Всеволод кротко просил Дану, маму Горика, поговорить с сыном. Такие разговоры для него и впрямь сущее наказание – мама всегда называла его поступки своими именами, а ему самому давала вполне заслуженные характеристики – оболтус, трус, подлец и подлиза.

В душе Горислав с ней, конечно же, не соглашался, но не перечил, скромно снося заслуженный выговор, поскольку понимал, что сам он вовсе не пуп земли, попросту пустое место, а центром вселенной является мама, вторая жена могучего Владислава.

Только благодаря близости к маме, хозяйке, фактически владычице, он и пользовался особым отношением братьев и дяди. Не то, что он ей ябедничал, нет, конечно, но ведь мог и пожаловаться. Пусть мама при малейшем на это намёке высмеет его без жалости, другие-то об этом не знают!

* * *

Горик и подумать не смел, чтобы послушаться маму, именно поэтому и тащился за ведун через лес. Кудесник неизвестно откуда являлся в их рыбацье село, иногда проводил ночь в гостях у кого-нибудь на свой выбор и уходил неведомо куда.

Горислав, украдкой наблюдая в щелочку в заборе за таинственной фигурой с длинным посохом, в диковинном плаще из шкур, со скальпом медведя на голове, чисто теоретически рассматривал возможность устроить Остромыслу какую-нибудь каверзу и прикидывал, что ему за это будет.

Казалось бы, боги услышали его – в тот день странник прошёл напрямик к их двору, в наступившей тишине раздался стук посоха в ворота. Горик отметил про себя странное поведение псов, в других случаях более чем залихватские свирепые пёсики отчего-то старались стать как можно незаметнее.

Горислав подумал, что стучаться весьма учтиво со стороны ведуна, ведь по рассказам братьев тот может запросто ломать толстые стены, а очень толстые проходить насквозь.

Парень из-за хронического безделья оказался к воротам ближе всех и, не дожидаясь указаний, подскочил отворять. Поднатужившись, снял запорный брус, навалился на воротину...

– Благодарю, конечно, – он впервые услышал голос волшебника, – но я ещё могу пролезть и в калитку. Теперь снова ворота запирайте – справишься?

Горислав хотел уже брякнуть: «Чего тогда было в ворота ломиться?», но захлопнул рот, поклонился в пояс и отвечивал, как умел, степенно. – Справлюсь однако, отчего ж не справиться? Милости прошу подождать, я сейчас.

Он подтянул на себя воротину и попытался водворить увесистый брус в скобы.

Ведун проговорил, – ну-ну, – и спокойно прошёл к усадьбе.

Горик мучился с тяжёлой непослушной деревяшкой и злился на себя – ведь он должен сейчас бежать, чтобы сказать маме, кто пожаловал. Только успокоившись, парень всё-таки смог взять себя в руки и запереть трижды проклятые им ворота и снова посетовал на собственную нерасторопность. Если бы успел сбегать доложить о госте, возможно, его бы забыли выпроводить, и была какая-то возможность послушать, зачем пришёл ведун.

В сложившейся ситуации оставалось только попытаться подкрасться к дверям и подслушать, но уже от одной этой мысли душа ухнула в пятки. Он снова присел на завалинке у крыльца с твёрдым намерением никуда не двигаться, пока кудесник не уйдёт.

Горик присел, душа в пятках быстро соскучилась, выглянула наружу – в спокойной небесной лазури безмятежно парили птицы, плыли лёгкие облачка, лицо приятно обдувал лёгкий ветерок – в общем, совершенно ничего страшного не происходило. Осмелев, душа вернулась на прежние позиции и принялась канючить, что зайти в собственный дом ему никто не запрещал. Может же ему захотеться квасу испить? И просто случайно посмотреть, закрыты ли двери в горницу? Кстати, интересно, ведун когда-нибудь расстаётся с посохом или даже за столом с ним сидит? А если не сидит, то может он оставить дубину у входа в горницу, или ему нельзя?

Вполне себя убедив, Горислав встал с завалинки, потоптался, решаясь совершенно, как на крыльцо вышли мама и Остромысл.

Кудесник строго заговорил:

– Отрок Горислав! Матушка твоя сетует, что растёшь ты никудышным, пустым человеком, лодырем и обормотом. Тревожится за тебя и судьбу, тебе уготованную. Я попробую

помочь вам в память об отце твоём, Мечеславе, славном вое, защитнике рода. Я могу отвести в тайное место, где родные боги увидят тебя и укажут, что предначертано. Однако ни я, ни матушка, никто на свете не может тебя принудить или отговорить. Только ты сам должен просить об этом. Итак?

Горик взглянул на маму, лицо её оставалось спокойным, одновременно добрые и строгие глаза лучились привычной ласковой тревогой, всё вроде бы как всегда. Но сам визит ведуна уже не как всегда! И слова его... её слова «лодырем и обормотом» зазвучали с новой силой – либо он пойдёт с кудесником, или останется, и... вот что будет после этого «и», Горику узнавать отчётливо не хотелось.

Пусть мама ни о чём его не просила – она никого никогда не просила! Все сами старались угадывать, что бы она хотела, а тут и думать нечего. Горик кивнул, спохватился – ему же нужно просить ведуна – молвил:

– Мудрый Остромысл, прошу, отведи меня в тайное место, чтобы смог я узнать своё предназначение! – и отвесил поясной поклон.

* * *

И вот он неизвестно который час телипается по лесу за ведуном, уже изрядно притомившись. Ныть, горестно вздыхать или как-то ещё вслух намекать Остромыслу, что неплохо бы сделать привал, Горислав не решался, но вся его нескладная фигура выражала буквально предсмертную измождённость.

Кудесник не снизошёл даже до комментариев, единственное, чего он добился, – колдун взял за руку. Всё чаще встречались замшелые валуны, разбитые молнией деревья, вывернутые корневища и прочие колдовские штучки – пацан отмечал возможные в туманном будущем объекты для тщательного исследования, на немедленное любопытство сил уже не оставалось.

Они шли и шли, Горик машинально отмечал направление и с последней надеждой думал о том, что скоро ночь – не станут же они идти во тьме! Его уже не удивляло, что мысль о ночёвке в лесу перестала пугать, казалось, что парнишка совсем не будет против, если волки съедят его в ту же минуту.

Наконец-то проклятый старик остановился перед непреодолимым завалом из обломков скал и поваленных деревьев. Горик в сумерках рассмотрел стволы и отстранённо удивился – надо же, дубы! Шли по сосновому лесу, а тут... или они росли здесь раньше? Но когда? Лес старый, высоченным соснам не один век, да за это время поваленные дубы должны превратиться в пыль, но они вот – перед ними, на вид, будто вчера их повалили, только пожухла листва.

Невесть откуда налетевший порыв ветра зашумел старыми листьями. Горику стало жутко – он не почувствовал ни дуновенья, в лесу слышался лишь треск сухих листьев. Он широко распахнутыми глазами охватил взглядом картину целиком – что за напасть! Дубы не повалены, но уложены! Камни, стволы, ветви... чур меня! Лицо! Хмурится! Парень дёрнул ведуна за руку, а другую с выставленным пальцем выставил перед собой.

– Ты увидел его. – Проговорил Остромысл.

– Ка-кажется, он не в духе, – пролепетал Горислав.

– Это он не тебе хмурится, ты пока слишком юн, чтоб обращать на тебя внимание, – сурово заговорил Остромысл. – Приглядишься получше, что ты видишь ещё?

– Ну... ещё это не лицо. Будто узор, какие бывают на редких мечях, вроде бы руны, но я плохо их знаю.

– Ты видишь путь? – спросил он строго.

– Как пройти через завал? – переспросил Горик. – Ой! Действительно, вон тропинка ведёт за камень, а что дальше не видно.

– Иди по ней, Горислав. Когда придёшь на площадку с тремя каменными фигурами, возьми из рук средней ковш, испей из него...

– И боги подадут мне знак? – уточнил Горик с сомнением.

– Подадут, не беспокойся, – Остромысл улыбнулся, – поздно или очень поздно, но дадут. Иди, испей из чаши и дожидайся знака богов где хочешь, но лучше возвращайся домой. Через три дня я приду за тобой.

– А... – пацан возмущённо обернулся к кудеснику, но его не было! То есть его нигде не было, будто не было с ним никогда. Парень, растерялся, запаниковал, метнулся, было, от колдовского завала, но наконец-то, отважился горестно вздохнуть, напомнил себе, что пришёл сюда вовсе не из-за колдуна, а потому что так хотела мама, и пошёл по тропинке.

* * *

Едва на неё ступил, как мальчишке показалось, что среди нагромождения камней и деревьев мелькнули огоньки. Со следующим шагом ему уже не казалось – точно что-то мерцало, а ещё через пару шагов смог уверенно ориентироваться в их свете.

С первого взгляда странная тропинка никуда не вела, без чудесных светлячков он не смог бы сделать и шагу, и с каждым новым шагом он понимал только, каким должен быть следующий, не далее.

Шагнув в очередной раз, неожиданно Горислав оказался на небольшой площадке. Как говорил колдун, на ней стояли три грубо вытесанные каменные фигуры, у средней в руках обнаружился ковш. Хотя и был Горик совершенно один, понимая, что имеет дело с богами или их идолами, поклонился в ноги и лишь после этого потянулся к простенькому берестяному ковшику с дождевой, по всей видимости, водой. Невольно принялся и с удивлением ощутил свежий, бодрящий аромат, попробовал... и не смог оторваться, пока не допил всё.

Парень не мог найти слов, как описать новые странные ощущения. Лёгкость, бодрость, радость, словно он не шёл долго через лес, а только что проснулся, искупался и получил в полное распоряжение большой медовый пряник без малейшего к тому повода.

Горик подумал, что кудесник советовал ему идти домой, и сразу представил себе пройденный лабиринт – он показался до смешного простым. Горик спросил себя, верно ли понял колдуна, не забыл ли чего, и сразу ему припомнились множество забытых дел и потерянных вещей. Парень даже вспомнил, как назывались руны на мече, которые он счёл похожими на узор завала – «источник», «путь», «искра»!

Даже стало интересно, о чём бы ещё подумать, чтоб сразу всё стало ясно? Мальчишка присел на низенький валун в позу мыслителя, припоминая, что же ему было в жизни непонятно, и что, пользуясь благосклонностью богов, было бы недурно понять. Случайные мысли закружились в хороводе, закрутились в вихре, стремительно сменялись образы, ощущения, парень не заметил, как потерял сознание, просто не рассчитав своих сил.

Он понятия не имел о том, что нервная, мыслительная деятельность требует больше всего энергии, да и о самой энергии, как понятии. Чудесная вода стимулировала его возможности, но сил не прибавила ни капли, вот и отключились мальчишеские мозги от перегрузки за считанные секунды.

Спустя несколько часов он очнулся, лежа на траве возле невысокого валуна. Голова побаливала, во рту ощущалась сухость. Обнаружив рядом с собой пустой ковшик, поморщился, дал себе честное слово в другой раз сначала поставить волшебный сосуд на место и лишь после этого о чём-то думать.

Встал, немного подвигался, разминая затёкшие члены, с поклоном и благодарственным словом вернул ковш в руки идола. Когда кланялся, из-за игры света и тени ему показалось, что идол кивнул в ответ, стало страшновато.

Он попытался взять себя в руки, сказал себе, что пришёл сюда сам, и не как недруг, а как свой, родич древних богов. Успокоился, припомнил слова Остромысла, что нужно идти домой и ждать кудесника. Взглянул на небо, чтоб сориентироваться во времени суток. Небо светлое, утреннее, значит, пролежал без сознания всю ночь. Горислав ничего с вечера не забыл и уверенно двинулся по тропинке из лабиринта.

Путь домой к удивлению Горика оказался короче и легче, хотя за ночь продрог и проголодался. Мальчишка поражался себе, каким стал лёгким, ловким в движении, как легко угадывал правильное направление, обходя трудные места. Горислав всё-таки сосредоточился на дороге, не смотря на то, что в его состоянии в этом не было никакой практической необходимости.

Как и в первые мгновения после волшебного напитка, его всё также наполняла радость, но к ней примешивалась смутная тревога, вызванная неясными видениями, что посетили во сне. Сны заполнил мрак, сочащийся кровью – так он воспринимал черно-бардовые причудливые картины.

Если таков ответ богов, ничего особенно радостного его не ожидает. Горислав не решался вспомнить сны и попытаться понять, боялся получить чёткий, недвусмысленный ответ – да, ничего хорошего. Лучше уж пусть всё идёт своим чередом, а там будет видно. В любом случае погоревать о своей судьбе он ещё успеет, пока не к спеху.

* * *

Солнышко приблизилось к зениту, когда вышел из лесу к посёлку. Отчего-то вид родного селения не обрадовал. Старшие рассказывали Горика о других, диких лесных поселениях людей их языка и обычая, и ему вдруг захотелось, чтоб и родной посёлок был, если уж не в самом лесу, то хотя бы к нему поближе.

Луг между оградой и лесом вызвал отчётливое раздражение, ему подумалось, что в случае крайней нужды добегать до спасительного леса будет очень непросто. Вид пасущегося скота тоже не радовал, а «скотные» ворота в тыне просто разозлили. Ну, на кой, вообще, нужен этот заборчик при такой прорехе?

Горик новыми глазами оценил и расположение домов, посёлок несуразно вытянулся вдоль полосы прилива. Это легко объяснялось рыбным промыслом жителей, все старались строиться поближе к морю, недостатков же никто не видел.

За тын вынесли лишь кузницу и кожевню, остальные упрямо строились за оградой. Причём одной оградой заботы о безопасности ограничивались, никто не планировал защищаться в самих домах. Хозяйственные постройки и пристройки лепились без плана и смысла, абы как.

Если беда придёт с моря... он вдруг отчётливо осознал, что уверен в этом – беда придёт с моря! Так вот, нет ничего, что помешало бы врагам высадиться, сети, развешанные на просушку, да пирс на сваях, конечно, не в счёт. Враги спокойно обойдут посёлок и через хлипкий «чёрный ход» вломятся на улицы, где никто не сможет им что-либо противопоставить.

Нужно срочно что-то делать! И вот на этом месте чудесным образом поумневший Горислав осознал, что сделать ничего не успеть, да и не станут его слушать – его, мальчишку, маменькиного сынка, подлизу, труса и подлеца!

Парень пришёл домой, поклонился матушке. Мама сразу велела искупаться и переодеться, усадила за стол, накормила кашей с молоком и попросила рассказать, что с ним происходило. Горислав ничего не утаил, но о происходящих с ним изменениях не сказал ни слова. Только в целом, что нужно ждать Остромысла, он придёт через три, то есть уже через два дня, и всё объяснит. Матушка этим удовлетворилась и отпустила сына играть.

Два дня Горислав ждал кудесника и... кое-чего ещё. Он перестал насмешничать и дразниться, старался побольше быть с братьями, сестрёнкой, тятькой, будто прощался с ними. До

него вдруг дошло, что каждый из них и он сам могут в любое мгновение уйти навсегда, безвозвратно даже без вражеского нашествия, всегда должен оставаться лишь их род.

Парень всерьёз заинтересовался делами рода, напрашивался помогать. Встречал братьев с рыбалки, таскал корзины с рыбой к засолным ямам. Вместе с ними ходил к батю в кузницу, там и кроме сложной работы всегда находилась масса простых занятий.

Родным показалось, что Горик стал замкнутым, рассеянным, хотя и послушным, ласковым мальчишкой. Помалкивал он просто потому, что, ещё не дослушав вопроса, точно знал не только вопрос, но и ответ, легко угадывал целые серии вопросов-ответов.

Он видел, что многое можно сделать иначе, проще и быстрее, но постоянно напоминал себе, что никого его мнение не интересует. Он никто, младший, его дело учиться, а не учить. Да и не считал он всё это особенно важным, Горислав ждал кудесника...

* * *

В тот день парень с самого утра преисполнился тревожным ожиданием, чувства обострились до предела. За весь день не смог произнести ни слова, да и не слышал почти ничего, что ему говорили. Родные решили, что парень не в духе, и оставили в покое.

Горик непроизвольно оглядывался на солнце, оценивая, сколько же ещё осталось... до чего, он и сам не знал, но был уверен, что это неминуемо случится, а вот что будет дальше...

Сначала истошно завывали псы, жалобно, тоскливо, обречённо. Солнце уже клонилось к горизонту, когда на всё поселение раздался дробный стук в звонкую лесину. Размеренные удары приглашали взрослых родичей на сход, дробные, частые – пожар, напасть, враги!

Ноги сами понесли мальчика к тыну, он вскарабкался на подмости и сразу взгляделся в море. Прежде, чем согнали подзатыльником, он успел увидеть два прямоугольных красно-чёрных паруса. Два! Две ладьи под разбойничьими парусами!

С одной они ещё могли бы потягаться, да по одному к ним всегда приходили торговать, но вдвоём... торговать здесь просто нечем. Если не считать их самих – старшие рассказывали о невольниках и гнусном обычае торговли людьми.

Ему всё стало совершенно ясно, Горик неподвижно стоял на площадке у тына, отстранённо воспринимая происходящее. Вот с моря донёсся отвратный рёв рогов. Взрослые, кто в кольчуге, кто в рубахе, поспешили на подмости с луками. Напрасно. Сверху густо посыпались тела, пронзённые стрелами, опытные стрелки врагов смели защитников за какие-то минуты.

Горика окликнули, он оглянулся и увидел отчима с братьями. Трое парней и могучий Владислав в доспехах с мечами в руках встали напротив ворот, к ним присоединялись как попало вооружённые родовичи. Зачем?

Ему велели бежать домой, но он не мог пошевелиться. В ворота страшно ударило, ещё и ещё...

Створки рухнули, и в защитников от ворот полетели стрелы. Вокруг отца и братьев падали люди, но никто не побежал.

Из ворот появились враги с длинными копьями наперевес, навстречу бросились Владислав с сыновьями. Они ворвались во вражеский строй, сея смерть полными горстями. Мужики ринулись следом, на пяточке у ворот закипела сеча. Горик увидел, как меч отца отсек врагу руку, Бронислав пронзил другому противнику живот. Копейщики разошлись в стороны, кто-то вместо них вошёл в ворота и встретил ратников.

* * *

Горика рванули сзади за шиворот, потащили прочь. Он не сразу узнал в этом воине маму. На ней была надета кольчуга и пояс с мечом. Не говоря ни слова, мать бегом протащила его

через всё село к родному дому. За ними уже гнались, у ворот поселения всё почти сразу и закончилось.

Дома мама открыла люк в подвал, подтолкнула сына и спрыгнула сама. В погребе отдёрнула на стене рогожку, открыла ход, резко приказала. – Беги, сын! Ты должен выжить! Найди ведуна, расскажи обо всём... и отомсти за всех нас! Беги!

Горислав хотел что-то сказать, обнять маму, он просто не мог уйти от неё так! Наверху загрохотали удары, послышались выкрики на чужом языке, шаги приближались...

– Беги! – Мать толкнула Горика в подземелье и закрыла за ним дверь. Горислав упал на земляной пол. В полной темноте мальчишка встал на четвереньки и быстро пополз просто вперёд.

Он полз целую вечность, будто отматывал руками и ногами бесконечную чёрную ленту. В ладони, в колени впивались комья и камни, всполохи боли мешались с оглушительным уханьем сердца. Горислав не таращился в темноту, опустив голову, полз с закрытыми глазами.

Неожиданно опора пропала из-под рук, он покатился кубарем. Огляделся, увидел, что попал в длинную глубокую яму... это же овражек на лугу! Он заканчивается почти у самого леса, вот только в какой стороне? Ну, конечно! Солнце освещает даже дно, сейчас уже закат, а лес восточнее – всё просто. Горислав побежал по оврагу.

С луга доносились панические крики и злобное рычание – кого-то ловили собаками. Боги, только бы успеть! Мальчишка с разбегу вскарабкался по крутому склону вверх и, не оглядываясь, рванулся к деревьям. Сзади грозно закричали, его, кажется, заметили. Парень понёсся по лесу со скоростью молодого оленя и возблагодарил богов за чудный дар так быстро соображать и двигаться.

Он хорошо знал окрестности и сразу повёл погоню к валунам и вывороченным с корнями деревьям. Ему-то не составит труда пробежать там, а незнакомому с местностью человеку придётся сбавить скорость или свернуть шею.

Больше всего Горика страшили псы, он отчётливо слышал их рычание на лугу, но и грубых вражеских голосов достаточно, чтобы не обращать внимания на то, как срывается дыхание, дрожат ноги, пот режет глаза.

Собак он больше не слышал, но его без сомнений настигали. Когда добрался до камней, сзади уже слышались топот, треск ветвей, окрики. Всю надежду мальчик возлагал на то, что на камнях не остаётся следов, валуны не выдадут.

Горислав резко сменил направление, теперь он бежал к зарослям лесной малины. В кусты вломился с разгону, нагнувшись, только прикрыл руками лицо. Сразу упал на четвереньки и шустро пополз между кустами, где ветви торчали не так густо.

Перевёл дыхание, набил рот сочными ягодами. Прислушался, вроде бы никто не ломился через кусты. Снова сменил направление, пополз уже осторожнее. Вылез из зарослей и побежал, через некоторое время перешёл на быстрый шаг, потом опять ускорился. Горислав понял, что оторвался от погони, но не сбавлял темпа.

* * *

Вроде бы, куда ему торопиться? Он знал о других поселениях, но никогда в них не был, туда ходили только старшие родовичи. Горислав понимал, что лучшая защита для мирного посёлка – это тайна, ему никогда их самостоятельно не найти, не говоря уж о жилище ведуна Остромысла.

Переждать в лесу и вернуться? Чтобы увидеть пепелище и трупы родных? Да и небезопасно возвращаться, столько пролитой крови привлечёт из лесу хищников. В самом лесу тоже оставаться опасно, кроме разве что одного единственного места. Той волшебной площадки в центре завала, под охраной родных богов.

К тому же Остромысл, увидев, что произошло с поселением, скорее всего будет искать его именно там. Если будет, конечно – если его самого не убили, и ему, вообще, интересна судьба одного маленького мальчика, редкого поганца – подлизы, труса, ябеда и подлеца.

Горислав без труда нашёл сам завал и вход в лабиринт. Переждал минутку, пока не уймётся колотё в боку и не успокоится дыхание, разглядывал узор из поваленных деревьев и скал по-новому. Теперь ему показалось, что сказочный бородатый старик плачет, его лицо изрезали скорбные морщины.

Горик вздохнул и пошёл по волшебной тропинке. Он помнил каждый шаг, но не спешил, с каждым новым шагом ждал, когда замерцают новые огоньки, и лишь после этого шагал снова. К трём идолам мальчик вышел с чувством, словно вернулся... да он, и не случись ничего, обязательно бы сюда пришёл! Но его пригнала беда, мальчик с надеждой воззрился на истуканов.

Ему очень хотелось плакать и жаловаться, и он понимал, что смешно и глупо разговаривать с камнями. Горислав поклонился богам, подошёл к тому, что возвышался посередине, опустился на колени у подножия. Мальчишка отвернулся от всего, прижался к камню лбом, заплакал, его прорвало – он причитал и всхлипывал, гладил камень ладошками и царапал ногтями. Наконец, обессилив, свернулся калачиком и забылся тяжёлым сном.

Идолы слабо замерцали, на колдовской полянке заструился туман, покрыл её целиком, сгустился. Светящиеся клубы укутали маленькую человеческую фигурку, вспыхнули, и налетевший неведомо откуда порыв ветра унёс туман, затрепав сухими листьями поваленных дубов.

Горислав всё это видеть не мог, ему снилось, что на самом деле он не убежал, остался у ворот. Не понять, откуда взялся меч в руках, шагнул навстречу врагам. Встал плечом к плечу с тятьей и братцами – мужчине не пристало иначе! Ему незачем жить побеждённым в битве за родной дом!

Владислав отсек вражью руку, Броник воткнул меч в брюхо, пробив кольчугу, Пересвет подсек противнику ногу, Добрыня отвёл предназначенный Горика удар, и его волшебный меч, сверкнув кругом, врезался в ненавистную шею, снёс башку, веером разбрызгивая алые капли! Получилось! А ну-ка ещё!

Горик рубил, колол, отражал направленные на него и братьев удары. Меч сверкал в безостановочном танце, словно крылышко мотылька, и он сам, как мотылёк, двигался в последнем танце смерти. Их тоже разила вражья сталь, братья падали один за другим, рубаха пропиталась кровью, голову пьянила песня стали – пусть она не кончается!

Владислав упал на одно колено, и его пронзили сразу два клинка в грудь и в спину. Горик успел сделать выпад, достать одного убийцу в бок, спину обожгло, нестерпимым пламенем полыхнула боль, из груди нестерпимо медленно выходило лезвие клинка. Небеса качнулись, ухнули назад, земля вздыбилась и приняла его последние объятия.

* * *

Горика разбудили громкие мужские голоса, кто-то говорил на непонятном, но странно знакомом языке.

– Геннадич, мы на корях, тут какая-то свалка, блин! Точно не продерёшься!

– Ребята, всплеск самый свежий, всего два с половиной часа! Там обязательно что-нибудь должно быть! Завал сканировали?

– Чего?

– Ну, в тепловизор на него смотрели?

– Не, и так всё видно – куча камней и деревьев... Ладно не ори, сейчас гляну... Блин! Всей этой хрени тупо нет!

– Как нет?

- Чёрное пятно, и всё!
- Попробуйте рамку, может...
- Ох! ничёссе волчок, мать её индуктивность!
- Парни! Это оно! Туда можно проехать на вездеходе?
- Можно, только нужно вас встретить. Двигайтесь пока к точке «А», я туда на квадрике сейчас, а мужики лагерь тут разобьют.
- Хорошо, выдвигаемся.

Снаружи что-то взревело, заурчало, удаляясь. Гориславу происходящее не нравилось, но и вызывало нестерпимое любопытство. Он осторожно двинулся к выходу из лабиринта, сгибаясь за камнями. На границе выглянул из-за поваленного ствола – прямо у выхода суетились двое мужиков, один уже в годах с бородой с проседью, другой совсем ещё парень, может, чуть старше Добрыни.

Горика поразили их странная одежда и обувь, не представлял, из каких шкур или диковинной ткани их сделали. Скорей всего заморская, значит это враги, но лица не выражали злобы или жадности. Конечно, это могли быть добрые враги, но вели они себя, как на своей земле – не таились, не приглядывались, молодой принялся собирать валежник, старший копался в каком-то мешке.

Вопрос решил старший, достав из мешка кусок хлеба, большую розовую ягоду и куриное яйцо. В конце-то концов, Горик готов даже умереть с голоду, но не сдать врагу... мгм, но умирать и любоваться, как враги пируют, оказалось выше его сил. Он ещё колебался, убеждая себя, что вот видно же, что оружия у них нет, то есть не видно ничего похожего на оружие, и одеты они пусть и странно, но уж точно не в доспехи. А что говорят непонятно, так, может, это просто другое наречие, слова-то знакомые! Может, в других поселениях и говорят по-другому, и одеваются по-своему.

Горислав, решил, глубоко вздохнул и встал во весь рост. Подождал, когда его заметят, не дождался и пошёл к пришельцам. У молодого к тому моменту стало что-то получаться с костром, он, стоя на четвереньках, раздувал огонёк, а седобородый увлечённо вынимал из мешка и укладывал на расстеленную на траве тряпицу всевозможную снедь. Видимо, нашёл искомое, достал продолговатую прозрачную флягу. Зачем-то встряхнул и прищурился на образовавшуюся воронку. – Вот она! Ну, что, Витёк, по маленькой?

Он отвлёкся от фляги и увидел Горика. Выставив в него палец, попытался что-то сказать:

– Ба-ба-ба...

– Какая баба? – парень оглянулся, куда тот указывал, – какой-то чумазый пацан. Мальчик, ты откуда здесь?

Горик, не понимая ни слова, переводил недоумённый взгляд с одного на другого. Дядька, наконец, сумел подобрать слова:

– Да итить твою пустую бошку! Он же вышел оттуда!

* * *

Горик степенно черпал из котелка удивительной ложкой вкуснейшую похлёбку с крупой и мясом, а мужики о чём-то серьёзно переговаривались.

– Да как же ты не понимаешь, Димон! – горячился парень. – Профессор же всю жизнь носит со своей теорией, и вот же – доказательство! Это же значит, что всё правильно! Есть связанные с нами миры, и древние знали проходы! Ведь это же... это что же будет-то теперь!

– Знамо дело, – кивнул седобородый. – Профессору дадут денег, и летать он будет по округе на вертолёте, а не ползать на спонсорском вездеходе.

– И нам денег дадут!

– И нам бросят по тыщёнке или по две, – согласился Димон. – А мальчика заберут и будут изучать.

– Так что ж в том плохого? – воскликнул парень.

– А в том, что если прав профессор, у мальчонки никого в этом мире нет, – угрюмо проговорил мужик. – Заступиться некому, пропадёт как лабораторная мышь.

– Да как же так? С чего ты взял?

– С того, что пока профессор твой псих, до его бредней никому и дела нет. А как получит он доказательства, так тут всё вояки оцепят и засекретят!

– Ё ж моё ж! – всплеснул руками Витя. – И нас могут закрыть?

– Нас в первую очередь. Значит так, Витя, это очень хорошо, что Колян укатил, он такой же чокнутый, как все они. Мы с парнишкой пойдём потихоньку, а ты их дождись и скажи, что надоело мне без толку по лесу шастать, поругались мы, да я домой пошёл. О парнишке ни гу-гу, понял?

– Понял! – проворчал парень.

– Ну, если что, ты меня знаешь. – С особым значением проговорил мужик. Ополоснул водой из фляги посуду, убрал в рюкзак, завязал. Похлопал насупленного парня по плечу, сказал. – Не грусти, Витёк, сами потом во всём разберёмся, без профессора.

Лицо парня посветлело, лукаво улыбнулся. – А и впрямь, сами посмотрим!

Мужик закинул за спину рюкзак, протянул Гориславу ладонь, сказав. – Идти.

Горик кивнул, вложил ладошку в ладонь дядьки, встал.

– Дом. Идти. – С ласковой улыбкой повторил мужик. Горик понял и обрадовался – ну, конечно! Это точно люди из другого поселения. Они отведут его к себе, обустроят, а потом, когда он вырастет, помогут найти тех разбойников и отомстить за родичей. Главное – их род будет жить!

* * *

Горик прожил в зимовье дяди Димы всё лето. Он долго не мог поверить, что оказался не в другом селении, а в незнакомом мире, далеко не сразу согласился на новое имя – Егор. В остальном, благодаря чудесному дару богов, всё схватывал на лету, дядя Дима только диву давался. Быстро освоил язык, выучился грамоте и погрузился в учебники, специально для него приобретённые или выпрошенные у знакомых.

Дмитрий Сергеевич связался с сестрой в Казахстане, рассказал, что приютил сироту-беспризорника, да не знает как быть – в детдом сдавать нельзя, всё равно пацан сбежит. Она оформила и выслала для Егора документы, по которым тот был её сыном, племянником Дмитрия Сергеевича, с согласия матери проживающим у дяди.

Осенью они спокойно перебрались в посёлок, будто Дмитрий только со станции привёз племяша. Дядька принялся хлопотать о гражданстве для парня, а Егор пошёл в поселковую школу. Дмитрия Сергеевича, отставного боевого офицера, в селе очень уважали, так что в общении с другими ребятами у Егора трудностей не возникло.

Он, конечно, понятия не имел о субкультуре, но это легко оправдывалось «иностранным» происхождением – ну, не было в их ауле аниме, что тут поделаешь! Зато в силу новейших веяний в школу провели широкополосный интернет, и парень настолько освоился в новом пространстве, что стал внештатным сельским консультантом по любым кибер-вопросам.

В своё время Егор закончил школу, ушёл в армию. Отслужив, как положено, вернулся в село преподавателем информатики на общественных началах. Так уж в сельской школе повелось, что преподавались там только Русский язык, Английский и Алгебра с Геометрией, причём, преподавались директором лично. Все остальные предметы заменяли Трудом и Физкультурой из-за недостатка учителей.

Егор Владиславович взялся восполнить этот пробел в меру возможностей. Возможности эти оказались таковы, что через полгода сельские ребята неожиданно для всех победили в районной олимпиаде по Физике и Информатике. Молодого энтузиаста заметили, он завёл знакомства с околону научными кругами, начал регулярно писать в блоге, переписывался со знающими людьми.

Дмитрий и Виктор продолжили наблюдать за аномальными явлениями, на которые оказался богат родной край, естественно, что они привлекли к этому и Егора. Парень нашёл и тщательно изучил труды профессора Квазиосного. Времена изменились, чокнутые учёные забыли к ним дорогу, но хватало и других чудаков.

Какие-то ролевики основали неподалёку псевдославянское поселение, вроде бы там помогали потерявшим себя людям обрести душевный покой в единении с природой. Егор часто бывал в селении и снова стал консультантом. Общался с людьми, старался укрепить, поддерживать... но в душе его покоя не было, и он не искал его.

Ему часто снилась так и несостоявшаяся последняя битва. Горислав верил, точнее, знал – без этой битвы вся его жизнь лишена смысла. Он должен был дожидаться кудесника, как сказано, через три дня, когда закончится бой... он должен дожидаться Остромысла на поле последнего боя!

Горислав Владиславович выяснил, как и почему срабатывает проход. Один человек прошёл оттуда, и время там остановлено волею богов в заданном мгновении, пока он не вернётся... или кто-нибудь вместо него – всё равно из лабиринта в его родном мире выйдет маленький Горислав, чья бы душа ни отправилась отсюда.

* * *

Горислава умудрили годы жизни и учёбы в неродном мире, к жажде мести добавилось непреодолимое научное любопытство. Что из себя представляют миры, как они связаны? Что такое человек? Как связаны душа, сознание и тело? Есть ли вообще смысл разделять их? Он узнал, что ответы на эти вечные вопросы ищут многие и уже довольно долго, с одним таким исследователем Горику даже довелось познакомиться лично – ведун Остромысл без сомнений должен многое знать об этом. То, что с ним произошло, стало представляться хитроумным колдовским экспериментом, главная цель которого – контакт с другим миром.

Если удастся установить такой контакт, открываются просто фантастические возможности изучать... главное – влиять на миры! Из этого соображения следовал первый практический вывод – сам Горислав должен оставаться в данной реальности. Ему нужно зеркально повторить опыт Остромысла, найти кого-нибудь и послать туда, где морские разбойники сожгли его родное селение и убили всех.

Причём Гориславу требовалось не безмозглое лабораторное животное, ведь в том, что переход возможен, он уже убедился лично. Ему нужен союзник, который всё до донюшка осознает, сам уйдёт в неизвестность, как в смерть, найдёт ведуна, выполнит его, Горика, предназначение и... останется там навсегда.

Казалось бы, проще найти кандидата в отряд космонавтов, но не для Горислава. Дар богов оставался с ним, он легко читал и в человеческих душах тоже. К тому же за подходящими душами не пришлось ехать слишком далеко, такие должны были найтись в псевдославянском ролевом поселении.

Можно подумать, что люди просто вот так по-своему «отдыхают на природе», но Горик успел вдоволь налюбоваться на «нормальный» отдых с охотой-рыбалкой, с водкой-пивом, с привозными и местными затейницами. В лагере же этих туристов под запрет попало не только

спиртное, даже курево, сахар и чай-кофе! Он никогда не услышал там ни единого матерного слова!

Люди ковырялись в земле, пытались работать с примитивным ткацким станом, гончарным кругом, мастерили луки, махали деревянными мечами! Большинство приезжали на день-два, но вскоре выделились несколько индивидов, которые на день-два уезжали, да и уезжать вскоре стали всё реже. Возвели примитивные жилища и остались зимовать! Горик близко сошёлся с ними, стал своим, и сам стал относиться к ним почти как к родным – для него они все вместе почти на том самом месте, только в другом мире, из ничего воссоздавали родное поселение.

Весной в деревню приехали новые туристы, поселение на общем сходе назвали Веснянкой и с новыми силами принялись обустраивать этот кусочек мира на свой вкус и лад, не пренебрегая и мнением Горика, конечно.

Он с отцом Дмитрием Сергеевичем взял на себя решение всех вопросов с поселковой администрацией. Устраивать палы в лесу или языческие праздники с организованным лишением восьмиклассниц девственности им, конечно же, разрешить никак не могли, но в прочих мелочах не мешали безобидным психам жить по старине, как она им представляется. Просто не решались связываться с дядей Димой, психом совсем не безобидным.

Горик же для начала задался непростым вопросом, как в случае нужды его посланник на пустом месте восстановит родовое гнездо? Среди ролевиков нашлись очень интересные люди. Они «реставрировали» древние способы изготовления простейших вещей типа верёвок, крепкой бечевы, вязания рыбацких сетей, да те же лапти запросто не сплетьёшь – нужна сноровка. Эти дисциплины постигались всеми, по расчётам Горика, в теле подростка посланцу могут потребоваться лишь базовые знания и практические навыки.

Отдельное, особое внимание Горислав уделил кузнечному делу, целый год учился ремеслу у энтузиастов-реконструкторов с азов до вершин мастерства. От топоров, тёсел и ножей потихоньку перешли к более сложным вещам, и весь следующий год ушёл у Горислава на собственноручное изготовление японской катаны.

Буквально от добычи болотного тяжёлого песка, выплавки железа... до шлифовки и гравировки. Причём это делалось лишь для наработки навыков, к сожалению, острейшему мечу недостаёт пробивной силы, у целей Горислава в ходу доспехи. Вместе с реконструкторами они воссоздали «гениальную ошибку» древних индусских металлургов – булат.

Горислав не спешил. Он перешёл через портал в своём теле и мог только более или менее уверенно предполагать, что останется у посланца при переносе «тонкого тела» – «слепая душа» или всё-таки и сознание тоже? Логично предположить, что лучше сохранятся знания «записанные» в сознании на языке реципиента.

Исподволь среди постоянных жителей деревни Горик утвердил родной язык. Его речь в чём-то походила на славянский, но очень уж отдалённо, тем более, что в транскрипции на современный исторических документов и быть не могло, а грамоты Горик не знал, он о самой грамоте узнал уже в новом мире. Если и была в его мире кириллица, до их глуши миссионеры добраться пока не успели.

Всё передавалось изустно и зубрилось наизусть, что само по себе тренировало память, да и нашлось, что тщательно изучать. Единственным тайным словом для новых друзей Горислав оставил лишь собственное настоящее имя – для всех его звали Егором.

С молодыми «аборигенами», как стали называть постоянных жителей Веснянки, Горик придумал проводить уроки воинского мастерства. Отобрал возможных кандидатов и начал заниматься индивидуально – не мудрствуя лукаво, преподавал всё то, чему учил его дядя Дима, отставной офицер разведки самой обычной общевойсковой части Забайкальского военного округа.

Реконструкторы с удивлением узнавали о древнеславянских корнях методов выживания, ориентирования, скрытности, рукопашного и ножевого боя. В принципе, Горик никого не обманывал, в сокровищнице боевого опыта сохраняются лишь веками не тускнеющие решения и находки.

В этом деле он встретил неожиданную поддержку пары хорошо подготовленных «аборигенов»: один стал преподавать «древнеславянское» У-шу, а другой не менее «древнеславянское» Кен-до. Помощь оказалась тем более ценной, что Горислав понятия не имел о работе с мечом, копьём или шестом. Общими усилиями парни по средневековым меркам нехило вооружились и освоили методику, по которой смогли бы вооружиться и сражаться буквально с нуля, начиная с голых рук.

* * *

Главным критерием отбора для Горислава стало отношение к этим играм. Со временем ролевикам, для кого они оставались всего лишь играми, занятия становились менее интересными, ребята реже приходили, многие вообще переставали приходить, впрочем, двоим просто не повезло – посадили за нарушение принятых в цивилизованном обществе норм необходимой самообороны.

Первый трёхлетний «курс» с ним вместе прошли двое парней, Андрей и Дмитрий, и девушка Алёна. Горислав на полном серьёзе рассматривал возможность посылки девушки, его, пришельца из другого мира, не могли смутить моральные нормы этой реальности. Он с интересом обдумывал варианты сосуществования души и сознания уже взрослой девушки с телом и сознанием подростка.

Просто из любопытства Горислав почти решился обработать и отправить Алёну – для него это является лишь вопросом времени. В мире Горислава высоко ставят любовь, в этом смысле он себя никогда особенно не ограничивал, всю пользовался привлекательной внешностью и даром богов – женской частью населения о нём шёпотом и по секрету передавались целые сказания. Ему не составило бы очень большого труда охмурить и отправить куда угодно любую свою поклонницу.

Даже отношения Алёны с Андреем не могли бы сильно повлиять на его решение, наоборот – Горислав в душе оставался всё той же проказливой пакостью, его представления о забавном почти не изменились. Только научился соизмерять свои наклонности с суровой действительностью, да немного подрос уровень «забав». Он не передумал, решил лишь отложить подобный опыт до более подходящего для забав случая.

* * *

Дело в том, что Веснянка, изначально временно-постоянный туристический лагерь, неожиданно для своих создателей перестала быть забавой. Ролевики-реконструкторы достигли определённых успехов в ремёслах: постройки в поселении, хоть и возводились в полном соответствии с канонами, уже не вызвали пренебрежительных усмешек, одежда, утварь получались практичными, добротными, красивыми.

Сами жители перестали производить впечатление «психованных» обычных жителей этого мира – они выглядели счастливыми людьми из другой реальности. Всё больше вполне адекватных людей приходили на реконструкции «исторических сцен». Праздники включали довольно зрелищные «потехи» – в основном всевозможные соревнования: в стрельбе из лука, кулачные бои, даже скачки с появлением первых лошадей.

Особенным номером стали «судебные поединки» на демонстративно затупленных мечях. Не смотря на всю «киношность» явно постановочных схваток действо захватывало даже взрослых, что уж говорить о ребятах.

В округе все владельцы «туристических баз» по достоинству оценили преимущества такого соседства, мало того что включили посещение этих мероприятий в программу, так ещё и использовали наиболее эффектные видео и фото в рекламных целях.

Следствием притока туристов стали реальные предложения спонсорской помощи – в первую очередь чинам администрации, да и самим веснянцам дельцы ненавязчиво дали понять, что ни в коем случае не позволят мешать столь полезному начинанию.

Администрация отреагировала ровно, и так не вмешивалась, а жителям деревни не хватило такта и терпения культурно послать доброхотов с их попытками «помочь в управлении», то есть посадить своих управляющих и контролёров – Дмитрию Сергеевичу с сыном Егором даже пришлось проводить разъяснительные беседы.

Горик рассказывал, почему перед показательными поединками мечи затупляют, они просто не могут себе позволить постоянно держать в хозяйстве оружие, негодное для реального боя и серьёзных тренировок, а дядя Дима деловито интересовался противопожарными приготовленияами окрестных турбаз и с сожалением заявлял об их неэффективности.

Непонятливым по-славянски прямо объясняли на пальцах – не уймётесь, спалим и вырежем всех поголовно. Им охотно поверили, что как ни странно, убедило предпринимателей в серьёзности и адекватности Егора и Дмитрия Сергеевича, укрепило дружеские отношения, только добровольную посильную помощь по собственной уже дикости стали считать платой за крышу.

Ну, у каждого свой менталитет, Горик и не думал кого-то убеждать в благонамеренности и законопослушности, напротив, «потребовал заложников». На ребятню «боевые» инсценировки производили сильнейшее впечатление, вскоре большинство мальчишек и девчонок из посёлка постоянно ошивались в поселении поближе к коням и тренировкам. В Веснянке всегда соблюдался строгий запрет на табак, алкоголь и даже матерную ругань, так что родители это только приветствовали.

Горислав вполне обжился в новом мире – появилась НКО «Веснянка» со своим расчётным счётом, и на счёт этот стали поступать весомые пожертвования. Занятия, как и простое проживание, фактически стали платными и весьма недешёвыми.

Объяснялось это элементарно – у реконструкторов получалось увлечь ребят... отвлечь от наркотиков. В тематической деревне появились подростки, «приёмные» по легенде, а по сути привезённые из города родителями в последней надежде на чудо.

* * *

Зачем ему это потребовалось, Горислав представлял себе смутно, в этом мире у него пока не возникло достаточно серьёзных задач – все цели всё ещё жили там, где остывали трупы родных среди дымящихся руин. Главными и последними критериями отбора явились месть и ненависть.

Горислав в новом мире не стал ни православным, ни атеистом, ни простым «россиянином» – продуктом двух цивилизаций, неосознанным носителем тысячелетней истории и культуры. Да просто не мог стать при всём желании! Ментально он жил в родном, простом и прекрасном мире множества богов, волшебных существ, преданий, сказок – и правды.

Правда определяла для него всё – по ней следовало жить, её требовалось отстаивать, только ей можно служить. Высшей формой такого служения в его представлении всегда являлось мщение. Выше всего для народа Горика, для его богов ставился долг кровной мести – единственная угодная предкам и родным богам кровавая жертва.

В близком к современному пониманию слова «святая» для Горислава святой могла быть лишь ненависть. Не злоба или ярость, а сознательная, холодная решимость посвятить мщению всего себя, все силы, всю жизнь. Его отношение к убийцам родных современные люди не смогли бы назвать ненавистью. Это отношение и решимость судьи и палача – почти ничего личного, только правда, только справедливость, без которых просто нет смысла жить.

Он никогда не сомневался в своём праве судить и карать, даже не задумывался о праве. Просто так и не смог принять само понятия «права», оно вызывало в нём брезгливое отторжение, какое у многих людей вызывают половые извращения. Для него «оправданно» всё, что он может сделать ради торжества справедливости.

Горислав ознакомился с историей этого мира, узнал, что некогда и здесь люди жили по святой правде, но пришли иноземцы и отравили душу народа, как вирусные программы искажают работу любой системы. В результате человек, оперируя в системе ложных понятий, неизбежно приходит к нужным выводам, что сам он раб обстоятельств, никто в этом, да и вообще ни в чём не виноват, а главное – правды нет совсем!

Людам с младенчества внушается, что это слишком сложные вещи, чтобы пытаться самостоятельно в них разобраться. Правды нет, любые её версии это тоталитарная идеология ненависти, незачем забивать головы чепухой, гораздо проще поверить в «права человека», в то, что он рождён для счастья, что его жизнь бесценна сама по себе... и одурманивая себя психотропными веществами, скакать в уютном стаде на бесконечном празднике жизни.

Горик, конечно же, знал о религиозных учениях, просто заставил себя прочитать Библию. Ни во что не поверил, да и не пытался – он бы физически не смог преодолеть отвращения к рабству, а сама мысль добровольно признать себя рабом кого-либо или чего-либо вызывала омерзение.

Его весьма позабавила концепция борьбы абстрактных, всеобщих добра и зла с обязательной победой добра, в результате которой мир погибнет. Буквальное же «воплощение любви и добра» представлялось ему настолько естественным, что, вздумай он с кем-нибудь поделиться соображениями, они подпадали бы под закон об оскорблении религиозных чувств.

Варвар ни секунды жизни в новом мире не сомневался, что правда есть, её не убить совершенно, это просто невозможно сделать, и вот же главное доказательство этому – он сам всё ещё живой волей родных богов! Не может быть, чтобы в душах людей голос правды совсем стих. Тем более у этих людей – они же ушли из «нормального» общества, фактически убежали! Горислав исподволь, иносказательно пытался передать свой взгляд на привычные понятия, взвешивал каждое слово, специально прикрывая простые мысли мистическим туманом.

Алёнке мистика просто кружила голову, Андрею вскружила голову просто Алёнка, оба они испытывали чистый восторг от Веснянки, от своих успехов, а пуще всего радовались успехам ребят, собственной нужности. Они во всех притчах видели только светлое, доброе, как дети, считали, что ночь всегда проходит, а день только наступает.

Добро всегда побеждает, и с этого молодых людей не сбить, да и не ставил Горик перед собой такой задачи. Он считал, что всегда побеждает правда, и она не обязана быть при этом доброй, в чём наивным прекраснодушным восторженным юнцам непременно предстоит убедиться.

Горислав оставил их на время в покое, поскольку ему действительно улыбнулась удача. Дмитрий не задал ни одного вопроса, ни взглядом не выразил отношения. Горислав и на него бы махнул рукой, если бы не тренировочные схватки – в них Дима преображался, на него явно что-то накатывало. Парень отдавался поединку во всю мощь души, не признавая компромиссов, главное – не признавая поражений.

Казалось, что он жил в поединках, от боя до боя, всё, что напрямую не касается боя, для него не существовало. То есть не являлось существенным – Дима не производил впечатление заикленного, заторможенного, ненормального человека, он улыбался шуткам, часто сам

бывал ироничен, отдавал должное и девичье красе, и вкусной пище, да просто элементарному комфорту.

В обыденности жил один ещё довольно молодой улыбчивый, спокойный парень, а с мечом оживал другой – сосредоточенный, коварный, очень терпеливый и решительный боец. Горислав заметил, что ему недостаёт противников, с которыми можно не сдерживаться, за которых не нужно бояться. Горик просто из интереса решил проверить, насколько его хватит, и всё свободное время стал уделять Дмитрию.

Тот, осознав, что это вызов или проверка, с восторгом ринулся Горика убивать, впрочем, ни мало за него не тревожась – благодаря дару богов Горислав за годы упорных тренировок стал пока никем непревзойдённым мастером меча.

Схватка насмерть будоражила обоих, хотя Диму всё-таки намного сильнее. Сам Горик, пожалуй, смог бы убить Дмитрия, но для этого ему потребовалась бы ярость, упоение боем – обычное, в общем-то, Димино состояние.

Изрядно подустав от столь острого развлечения, Горислав улучил возможность поговорить с Димой наедине и спросил просто:

– В чём твоя проблема?

– Командир, извини.

Горика всегда смешило это его обычное обращение, он улыбнулся. – Да ладно, по мне так всё нормально – это у тебя проблемы.

– Сильно заметно? – с полуулыбкой спросил Дима, Горик серьёзно кивнул. Дмитрий со вздохом буркнул. – Это война, командир. Вот и бухать мне нельзя...

Горислав не стал скрывать серьёзной заинтересованности. Дмитрий, с трудом подбирая слова, начал рассказывать. Не то, что он пьяный буйный или агрессивный, всё с этим нормально, но случись что, убить или покалечить может запросто. Ему совсем нельзя драться выпивши, а это для него просто как голым ходить. Он всегда мог постоять за себя и за друзей и совершенно не представляет себе ситуации, когда нельзя слова сказать в ответ. Ну, а где слово, там и без слов короче объясниться, особенно с хамами. Дело совсем не в том, что просыпаются боевые рефлексy, или съезжает сбита́я войной планка – он всегда был не прочь подраться. Просто на войне впервые испытал нечто...

– Понимаешь, это походу как героин, – смущенно рассказывал Дима, – ну, или водка. Кому-то пофиг, а других уносит и забирает с первой дозы. Секунды растягиваются в часы, ты всё видишь, как оно на самом деле – отчётливо, ярко... всё делается простым и ясным... ты жив, кто-то умер, часто только потому ты и жив, что кто-то умер раньше. Есть они со своими страхами и злобой... и мы с нашей правдой...

Горислав даже ущипнул себя за запястье, чтоб убедиться, что вот это он слышит наяву от «современного» человека! Самое удивительное, что это чудище три года на его глазах, рядом с ним жил, учился, дрался, работал и ни словом, ни жестом себя не выдал! Горислав счёл это знаком благосклонности богов, поскольку узнай он о Диме раньше, тот не получил бы столь основательной подготовки.

На тот же момент оставались чисто технические, по мнению Горика, вопросы – убедить парня, что сам Горик не псих и не выдумщик, что всё на самом деле – Диме всерьёз предлагается перейти в иную реальность, в тело и сознание подростка, и совершить вендетту с неясным количеством целей на любых угодных богам условиях.

Часть первая

Глава 1

Я шёл за Егором через лес и слушал неторопливый рассказ. Сам себе не верил, что действительно иду и слушаю именно Егора, не сдвинутого на мистике юнца или упоротого реконструктора, а того самого виртуоза меча, поэта и любимца дам! Вот вам, бабушка, и «мастер слова и клинка»! Просто псих какой-то! То есть, непросто, простой псих это я, а Егорка... да слов не найти!

Он закончил рассказывать, мы шли в молчании, я не знал, что сказать... Собственные слова показались чужими. – Почему ты думаешь, что я буду исполнять твой долг кровной мести, пусть даже в твоём теле?

– Потому что верю тебе, – сразу отозвался Егор, – поверю, если скажешь, что исполнишь мщение.

– Просто скажу, и всё? – кто-то за меня продолжил этот бредовый разговор.

– Конечно, – он пожал плечами, – брату я обязан поверить. Ведь мы побратаемся.

– Как? – уточнил я, подумав, что это какое-то испытание. Или, может, проверка, обряд... ну, Егор взаправду загадочный парень, странный...

– То есть ты согласен? – я кивнул. Он остановился. – Ты понимаешь, что возьмёшь на себя, став мне побратимом?

– Объясни, – ко мне стало возвращаться нормальное восприятие. Я повторил серьёзно. – Без иносказаний всё понятно объясни.

– Хорошо. Побратимы разделяют врагов и друзей, заметь – только личных. Веришь или нет, но я остался в роду один... я старший, мои побратимы становятся родовичами. На тебя простирается благосклонность родных богов и предков наших – они станут твоими богами и предками.

Я хотел заметить, что не знаю никого из них, но Егор меня упредил. – Тебе не обязательно им молиться, достаточно чтить в душе. Они тебя узнают всегда и в любом обличье...

– Почему ты сам не вернёшься? – подумал я о его предложении.

– Это связано с логикой миров. В одном мире просто не должно быть двух меня... вся моя жизнь здесь будет стёрта, будто и не было, получится, что я никуда не уходил...

– А в разных?

– Тут дело в понятии «одновременно». Для разных миров оно неприменимо. Выражается это в том, что, с моей точки зрения, время в моём мире остановилось. А для тебя после перехода туда остановится время здесь...

– То есть я вернусь в ту самую секунду, из которой уйду? И... вся моя жизнь там сотрётся, будто я никуда не уходил?

– Да. Вспомни об этом, когда захочешь вернуться.

– Хорошо, не забуду. Почему я не могу совершить переход в своём теле?

– Потому что ты его вообще не можешь совершить, – Егор улыбнулся! – Перенос совершают боги. Теперь слушай внимательно – возможно... – я не уверен, повторяю – возможно, что они перенесут тебя с какой-то целью. Что ты сможешь сделать там в своём теле?

– А в твоём?

– В моём тебя не убьют сразу как чужака. И кудесник будет искать Го... э... меня. Ещё раз повторяю – с какой-то целью. Единственной такой целью может быть только месть, единственная угодная богам кровавая жертва...

– Ну, ты в это веришь, – сказал я неуверенно.

– Да! – его глаза сверкнули. – Именно поэтому я разговариваю с тобой! Итак, ты согласен стать мне побратимом?

Вот если бы он спросил меня об этом сразу и только потом рассказал, зачем ему это нужно, я бы его послал. Но Егор сначала что-то попытался объяснить и спрашивает моего согласия на всё сразу... Он что же, получается, не гонит что ли? Другой мир, боги, род, гибель и кровная месть – это всё по-настоящему? Он просто не может всё это говорить всерьёз! Только не Егор! Но Егор никогда не болтает попусту...

Я решился. – Да!

Егор расстегнул кнопчку на ножнах, – дай руку! – ножом полоснул по ладони, порезал свою руку, мы стиснули рукопожатие. Он вынул из кармана тесёмку, связал руки. – Присядь на корточки. – Я присел по его примеру. Он срезал немного дёрну, приложил руки к земле, накрыл срезанным куском. – Небо свидетель – наша кровь смешалась, Мать Земля приняла. Нарекаю тебя братом. Твоя кровь отныне моя. Клянусь оберегать всех, кого любишь, твои друзья отныне мои. Твои враги – мои. Повтори.

Я повторил за ним клятву слово в слово. Мы встали, Егор развязал ладони, странно – из пореза не шла кровь!

– Земля приняла кровь и клятву. Сам-то в это веришь? – он заглянул мне в глаза.

Я не стал лукавить, пожал плечами. – Посмотрим.

Егор ухмыльнулся. – Что ж, тогда пойдём, осталось недалеко.

Мы в полном молчании прошли ещё с пару километров. В лесу почти стемнело, когда вышли к завалу. Егор остановился, спросил, – что ты видишь?

– Хм, – я покачал головой, но всё-таки вгляделся. – Завал как завал... – он резко обернулся ко мне. – Ну да, я должен увидеть какого-то бородатого, ты ж рассказывал. Просто куча, хотя вон там, вроде, проход.

– Гм, кудесник из меня... – проворчал Егор.

– Да и я не пацан, – успокоил его и бодренько проговорил. – Нуте-с, что у нас дальше?

– Дальше, – повторил он и замолчал, опустив голову. – Брат...

Его голос осёкся, в нём явно происходила какая-то борьба. Егор закаменел скулами, проговорил угрюмо. – Брат, прости. Я просто не знал, что это будет так непросто...

– Что будет? – решаюсь ему помочь.

– Да вместо себя отправить тебя погибать, – выдавил он через силу. – Вроде бы, всё придумал...

– Что придумал? – мне стало интересно.

– Почти ничего, я сказал тебе правду... Ты мне не веришь, но тебе интересно – на то и расчет. Ты пройдёшь туда, примешь дар богов...

– Это какой? – мне стало ещё интересней.

– Ну, попьёшь из ковшика. Меня наделили быстротой мысли, и этим даром ты тоже будешь пользоваться, если пройдёшь...

Вот! Ясно же было, что его искусность неспроста! Я внимательно взглянул ему в глаза, он кивнул в ответ на молчаливый вопрос. – Да, Дим, это дар богов. Ты тоже что-то получишь, чего, по разумению богов и предков, тебе недостаёт, или что ты жаждешь больше всего. А вот дальше...

Егор снова взял паузу. – Ты должен будешь захотеть уйти из своего мира, меня перенесли потому, что родной мир на тот момент мне очень разонравился. Не знаю, есть ли у тебя причины уйти, скорее всего, нет. Я надеялся, авось, тебе станет любопытно...

– И ты надеялся не напрасно, – ситуация начала меня забавлять.

– Я верю, что боги перенесут тебя только по искренней просьбе. Тогда я встал перед идолом на колени, прижался лбом к камню, плакал и просил забрать меня...

– Хорошо, я выпью из ковша, тоже встану на колени и прижмусь к камню, – я пожал плечами. – Плакать не обещаю. Как я понял, потеряю сознание, если даже меня перенесут, время здесь остановится – в общем, когда вернусь просто выйду к тебе, как будто ничего не было. То есть, по сути, ничего не случится, кроме дара богов, конечно.

– Я так и хотел тебе объяснить, – проговорил он смущённо, – но передумал. Ты знаешь моё имя?

– Егор? – я улыбнулся.

– Нет, так меня назвал приёмный отец. Когда вернёшься, я спрошу имя...

– Ага! – протянул я раздумчиво, – а раньше, значит, собирался спросить только после всего...

– Теперь понимаешь, что это не шутка и не проверка? – Егор впился взглядом в глаза. – Я всё объяснил, это серьёзно и на самом деле! Тебе ещё интересно? Ты пойдёшь?

Да уж! А ведь Егорка почти готов был отправить меня втёмную! Каков, однако! Хотя передумал всё-таки... Мгм, так что же мне предлагают? Неизвестный пока дар богов – очень соблазнительно, правда, иной дар бывает хуже проклятья. В принципе можно рискнуть. Далее по пунктам – драка насмерть пока не надоест или не убьют, там иначе не дерутся... Блин! Да это же... я ж там бухать смогу, сколько влезет!

– Только б не спиться, – пробормотал смущённо. – Егор, братишка, конечно же, я пойду и очень попрошу твоих богов...

– Наших богов! – он резко поправил.

– Прости, наших богов попрошу дать возможность, силы и удачу отомстить за наш род, – проговорил я буднично. – Правильно сказал?

– Правильно. Обниматься не будем, расстаёмся ненадолго – утром очнёшься, придёшь в Веснянку и скажешь, как меня зовут или...

– До завтра, – бросил я через плечо, направляясь к входу в лабиринт. Не хочу знать никаких «или».

– До завтра, брат, – услышал я, сделав первый шаг по колдовской тропе.

Глава 2

«И вот я здесь», – как принято заканчивать занудные вступления-отступления. Да! Ещё нужно сказать: «Не могу в это поверить» и добавить непременно: «Увы, это факт». Начну по порядку, с конца.

Никаких «увы» сказать просто язык не повернётся – боги одарили неожиданно и щедро. Пришёл я на колдовскую площадку, с серьёзной рожей поклонился истуканам, сказал. – Я от Егора, – подумал, что от нелепости ситуации несу явную чушь, и решил обращаться к богам исключительно мысленно, пусть всё равно никто меня не мог услышать.

Принял из каменных рук ковшик, выдохнул, как перед приёмом водки, и залпом выпил. «Хорошо пошла», – подумалось сразу.

Серьёзно, будто принял что-то очень качественное, ароматное и по-настоящему крепкое – внутри взорвалась термическая бомба. Послевкусие так себе – металлическое, резкое, кровавое, точно зубы выбили. Горло запоздало принялось саднить, першение усиливалось.

Это оказалось очень кстати, я смог сохранить остатки пристойности перед богами – пить не получилось, хотя и очень сильно хотелось. Нахлобучило просто не по-детски, или наоборот, как малолетку... но я же был тогда ещё в родном мире, в своём теле! Может, с непривычки? Но меня в жизни так не уносило ни с какой водки! Да и не водка это была, действительно что-то... божественное!

Огонь разлился по жилам, воспламенил каждую клеточку, казалось, пламя вырывалось с дыханием – почувствуй себя драконом! В то же время кожей ощущалось малейшее дуновение, сам воздух вокруг стал чем-то живым, наэлектризованным – я чувствовал воздух, обалдеть! Я не просто стоял – рос из земли, стал её продолжением, как скала! Не хватало до комплекта воды, её заменили благодарные слёзы.

Я почувствовал, что значит быть сосредоточением стихий, по-настоящему живым – душу переполняло сожаление о прожитых годах псевдожизни, недосуществования, восторг, облегчение, благодарность богам... я поверил в богов, ощутив себя богом!

Нестерпимо жёг стыд – я торговался! Сомневался! Не верил и чуть не упустил... да за секунду настоящей жизни сделаю, что угодно... нет, просто всё – невозможное не существует как понятие! По щекам текли слёзы, а я смеялся, ржал как конь во всю пасть, задрал голову к небесам!

Меня просто перекрыло бесшабашным, вселенским весельем... конкретно так перекрыло – я полез к идолам обниматься, что-то говорил, объяснял, рассказывал, смеялся и плакал... ну и не заметил, как вырубился.

Новая жизнь началась с «кошмаров», я просто уверен, что меня перенесло в ещё спящего пацана, вот и пришлось досматривать его сны. Егор рассказывал, что при первом посещении волшебного места его мучили страшные, непонятные видения, так они просто не ему предназначались.

Психика подростка воспринимала видения как жуть из тьмы и адского пламени, а для меня очень даже ничего – нескончаемы бой насмерть с бессмертными по определению демонами. Убить их и впрямь сложно, сколь ни маши сверкающим мечом, зато крылышки с рожами так и отлетали, и так забавно слетали они с копыт!

Впрочем, ощущения от клыков, шипастых хвостов, когтей и тех же копыт приятными не назовешь, в общем, чувствовал себя средненько, зато не скучал.

Так что проснулся я, будучи уверенным, что попал, куда замышлялось, с чувством глубочайшего удовлетворения от выгодной сделки. Правда, немного беспокоила мыслишка, что это пока просто дурь из ковшика не отпустила, но сомнения развеялись оттого... дело в том,

что, вообще-то, проснулся не я. То есть даже теоретически формула «и вот я здесь» застыла уже на «я».

Проснулся Горислав, и я, кстати, узнал его секретное имя, когда юный организм включил самотестирование при пробуждении. В результате не осталось никаких сомнений, что перенос состоялся, меня унесло «оттуда»... а вот с «этим» предстояло работать.

Сложность заключалась в том, что Горислав, оказывается, большую часть жизни обходился без сознания. Я всё чувствовал, понимал, но сделать ничего не мог – система меня игнорировала или не видела нужды обращаться к собственному «я».

Это вполне нормально, мы ж не думаем о каждом шаге, когда идём, просто идём и думаем о чём-то – вот и Горик просто жил, а я мог в его сознании хоть удуматься о чём угодно! Радовало только соображение, что набухался в том ещё мире, а в этом ни в чём неповинного ребёнка не терзает откат.

Винить Горика в принципе не в чем, скорей всего мы все вот так и живём отдельно от организма, стараясь держаться подальше от реальности, но мне-то как раз требовалось подблизиться к реальности поближе! О чём он сам думал «прошлый раз», возвращаясь в село, я не знаю, мне же оставалось лишь удивляться его ловкости и лёгкости, да любоваться видами, как из окна автобуса.

В том, что он идёт именно в свою деревню, сомневаться не приходилось – во-первых, логика, во-вторых, я узнал местность. Это к слову о формуле «и вот я здесь» – получалось, что не совсем я и к тому же «там»!

Помнится, Егор несколько раз повторил, что его мир не обязательно является «прошлым» того, для связанных миров всё «одновременно», хотя это понятие к ним и неприменимо. Но они просто не могут быть настолько похожими, практически идентичными!

Допустим, всё-таки как-то сказывается разница в технологиях, в промышленности, а в целом... ну, если география та же, это можно только приветствовать. Хотя и непонятно, как тут оказались деревья, выросшие лет через э... наверное, тысячу со дня рождения Горика. Но это ладно, всё сразу понимать необязательно, потом пойму или привыкну.

Наконец, Горик вышел из лесу, я увидел его родной посёлок и без особого удивления узнал нашу Веснянку, посёлок стоял на том же месте. От зарослей до тына раскинулся луг, на котором устраивались скачки и прочая «массовка», только в этой картинке пасущихся лошадей сменили странноватые мелкие коровы и козочки.

За тыном виднелись знакомые постройки, на берегу сушились сети и точно так же в море вёл пирс на сваях. Понятно, тематическую деревню строили при деятельном участии Горислава, но место точно выбирал не он – ан поди ж ты, опять парадокс. Я уже вполне созрел для того, чтобы спокойно встретить самого Егора и услышать от него. – Полежи немного, сейчас совсем отпустит.

* * *

Горик пришёл домой, к маме. Я ощутил его физическую радость, но и робость, замешательство, панику – существу явно не хватало осознания ситуации, мне оставалось лишь предложить свои услуги. К Егору в целом я испытываю симпатию, а уж пацан-то мне совсем ничего не сделал.

Пусть сознание и не «распознавалось» как своё, организм уловил доброе расположение, желание помочь, и принял предложенный текст. – Здравствуй, мама. Ведун Остромысл отвёл меня в тайное место, где я получил знак богов.

Очень красивая, ещё молодая женщина при виде Горика особой радости не выразила, лицо её осталось спокойным, только в глазах затеплилось что-то такое, что я понял сразу –

сына она действительно любит. Ровным тоном мама пропела. – Прежде помойся и переоденься, потом и расскажешь. Ступай.

Паренёк отвесил полупоклон, чему я немного удивился – нормальное воспитание, почти-тельность забита на уровень рефлексов. С другой стороны не чувствовалось ни малейшего телесного страха, она каким-то образом сумела воспитать сына без наказаний.

Отметил я это «краем сознания», воспользовался мимолётным «сближением» и уже не отпускал «захвата», полностью сосредоточившись на «осознании» каждого действия мальчишки. Повторялась старая притча про лошадь и человека, я не собирался больше отпускать вожжи даже на секунду.

В результате паренёк стал немного заторможенным, тело докладывало в сознание о намерениях и после моего одобрения выполняло. Сначала возникло неприятие, чувство неестественности, но чем дальше, тем больше организм привыкал к моему присутствию.

В общем, помыться и переодеться удалось без неприятных ощущений, а когда вернулся в горницу, предложенная каша воспринималась как заслуженная награда. Я немного посетовал на несовершенство обоих миров – заначка с запретными солью и перцем осталась там, и здесь пришлось лопать по «древнему» канону. Правда, и так у организма за ушами трещало, а как бы рефлексы отреагировали на приправы, сказать трудно. Возможно, что пацан и есть бы не смог, не смотря на то, что проголодался знатно.

Парень под строгим маминым взором насыщался степенно, не чавкал, не спешил, ни крошки не уронил на скатерть. От чашки он старался не отвлекаться, лишь изредка благодарно поглядывая на матушку, как должно было казаться со стороны – вообще-то, это из-за моего любопытства.

Она сидела за столом напротив как-то совершенно не по-бабьи, в разрез канону не подпирала щеку ладонью, не складывала руки на груди – руки её покойно лежали на столе, спину держала прямо, голову ровно, спокойное лицо не выражало ни капли умиления – она просто ждала, пока сын поест.

Наконец, Горик напился квасу и вопросительно взглянул на мать, она кивнула, молвив: – Теперь рассказывай.

Я самоуверенно взял слово. – Кудесник привёл меня к тайному месту, велел спросить волю богов, сказал, что придёт ко мне через три дня, и исчез. Я прошёл через лабиринт, поклонился богам и испил из чудесного ковша...

Я взглянул на маму Горика, в её глазах читалась тревога – ей мой рассказ не казался волшебной сказкой, она явно в курсе этих дел.

– Я уснул или обмер, не помню, очнулся утром.

– Что тебе снилось, сын?

– Я сражался с чудовищами сверкающим мечом! – отвечал я горделиво, как в моём представлении и должен похвастаться мальчишка. Однако мама удивлённо вскинула брови, с интересом разглядывая Горика. Мне показалось даже, что она разглядела меня!

Помнится, во всех читанных попаданских историях проницательные мамы «о чём-то догадывались», а героини очень старались себя не выдать. Я же спокойно смотрел в её лицо. В крайнем случае, расскажу правду, у меня есть исчерпывающий ответ на все вопросы – такова воля богов. А не поверят – не очень-то важно, всё равно жить им осталось...

Изнутри резануло, я вздрогнул от боли, руки сами схватили мамину руку, мальчишка упал лицом на её ладонь и заплакал. Какой же я идиот! Да, его сознание в другом мире, но сердце его здесь, это существо чувствует – любит и мучается, даже ничего не понимая – для этого просто не нужно ничего понимать! Мама положила вторую ладонь мне на голову, заговорила ласково:

– Ой, ты вой могучий мой, защитник, коли жаль тебе матушку и всех людей. Поплачь, Горик, погорюй, ведь прежде всего ты человек. А как облегчишь душеньку, по воле богов получишь ты меч сверкающий, отцовский, тебе завещанный.

При этих словах я наострил уши, даже Горик насторожился – оторвался от маминой руки, взглянул на неё, открыв рот. Она мне грустно улыбалась. В душе шевельнулось предположение – да она же всё знает! Но нет, конечно, это просто невозможно, такое не в силах человеческих, даже материнских...

Мама построжела лицом. – Умойся и возвращайся скорее.

Как мог быстро я сбегал во двор к бадье смывать слёзы, когда вернулся, мама встретила меня стоя, держа двумя руками меч в ножнах. Я поклонился в пояс, она протянула меч со словами. – В руки твои вручаю жизнь рода и гибель врагов. Прими, Горислав, наследие отца своего, честно носи его, как бы ни был твой путь тяжёл и далёк.

Я протянул к оружию руки, пальцы обхватили ножны, внезапная тяжесть согнула меня – ещё один поклон получился сам собой. Да уж, мама права, даже просто носить его будет непросто. Я прижал меч к груди и лишь так сумел выпрямиться.

– Не по годам тебе меч, не по силам, но раз уж боги велели взяться за меч, значит, время твоё пришло...

Ну, ещё бы! Боги не могут ошибаться просто потому, что если они всё-таки ошиблись, мне всё равно хана, поэтому в моих же интересах верить им. Или в них? Ой, да без разницы, мама же продолжает говорить, а я тут задумался...

– ... помогут тебе. Упражняйся упорно, только, пожалуйста...

– Да, мама?

– Пожалуйста, постарайся не пораниться! Обещаешь?

Конечно, этим и должно было закончиться. А помогут, наверное, дядя Владислав и братцы. – Да, мама, обещаю.

– И запомни – вне дома я запрещаю вынимать меч из ножен, не смей хвастаться отцовским оружием!

– Да, мама, – на этот раз поклоном скрывал смущение, организм почувствовал себя обманутым, будто вручили пряник и настрого запретили даже понюхать. Ничего не поделаешь – именно так я б и сам воспитывал Горислава. Тут же попросил у матери рушник и тесёмку, укутал меч и перевязал. – Вот так и буду носить при случае.

Она одобрительно кивнула. – Молодец. Тебе не терпится познакомиться с ним, беги во двор, сынок.

– Да, мама. – Ответил почтительно. Замечательная женщина – только подумал, как бы свернуть беседу, сама отпустила. Вообще-то, отпустила она Горика, неужели я думаю, как пацан?

* * *

Упс! Точно как пацан – Горик сам выкатился во двор и уже развязал тесёмку, когда я вернулся к непосредственному управлению. Кстати, нужно прекращать думать про управление, прежде всего, необходимо самому принять себя таким, какой есть. Насмотрелся на тускло блестящее лезвие, погладил, потрогал кромку, подержал за длинную рукоять и вернул в ножны со вздохом.

Что у нас по этому поводу ещё в арсенале? Конечно же, «древнеславянское» У-шу, Тай-цзи – отличный способ достижения гармонии духа и тела, прям как доктор прописал.

Первая серия упражнений получилась со скрипом, буквально – у тела нет подобного опыта. Гибкость и подвижность оказались чисто природными, юными, но подготовки вообще

никакой не ощущалось. Благо, что подтверждалось предположение Егора о том, что его дар богов, ловкость, скорость и реакция, распространялся и на тело тоже.

Кстати, оказалось, что тело мне досталось не такое уж безмозглое. Юные мозги, конечно же, не развиты, но работают просто удивительно. Условно я сравнил ситуацию с находкой чужого очень дорого ноутбука. Допустим, девушка потеряла. Всё работает отлично, только я пока не разобрался с кнопками, к тому же нужно перестраивать «под себя».

Впрочем, дружественный интерфейс удивлял интуитивной понятливостью – реально, к окончанию комплекса Тай-цзи я обнаружил, что «железо» и «софт» сами старательно подстраиваются под задачи.

Разогрев организм, перешёл к упражнениям посложнее. Я помнил, что до гибели всего два дня, потому стремился только определить возможности и максимально перенести на уровень тела свои умения. Казалось, тело Горислава само очень интересовалось, чему такому этакому оно может научиться – пробовал вставать на руки, опорный прыжок, колесо...

Ощущения просто не передать – не мышечная радость, а восторг, упоение! Я дурачился и куралесил, как настоящий пацан, пока меня не вернул в реальность весёлый возглас:

– Ай да малой! А мы уж закручинились, что долго тебя нет, и на берег не пришёл встречать. Ан вот он ты что выделяешь!

Я оглянулся на здорового мужика и трёх тоже немаленьких парней, мозги тут же выделили их фигуры, опознали и выдали необходимую информацию – кто из них кто. Ну, а что это братцы с батеи пожаловали, я и сам догадался. Отвесил тятке полупоклон со словами:

– Прости, отче, неразумного, забаловался.

У бати отвалилась челюсть. Я уже без поклона обратился к парням:

– И вы простите, братцы.

Ребята смешно одновременно открыли рты. Владислав нашёлся первый:

– Как матушка, по здорову ли?

– По здорову, отче.

– Значит и ты по здорову, – решил он вопрос. – Хорош баловаться, умываться и в дом, будем ужинать. Расскажешь, как сходил с ведуном.

* * *

За ужином, да и вообще никогда ничего рассказывать не пришлось – мама старательно игнорировала тему моей прогулки в лес, и никто не решился поднять этот вопрос. Может, потом кто-то надеялся, что я сам расскажу... Что я мог им рассказать? Если честно, каждая минута с ними отзывалась болью от простенькой такой мысли – они все скоро погибнут!

Вроде бы, кто они мне? Приёмный отец, сводные братья Горислава... родовичи, за которых я должен отомстить. Только для начала вместе с ними выйти на последнюю битву, плечом к плечу. Потому только и терпел эту муку – смотреть им в глаза, слышать их голоса, стараться впитать каждую чётточку, интонацию, жест, гримасу... боги!

Пытаясь унять боль, едва не загнал пацана. Владислав эти дни был по большей части занят в кузне, занимался со мной урывками, скорей всего по просьбе мамы Горика. Братцы же явно чувствовали, видели, что малого томит что-то, и старались помочь, как умели. Просто находились рядом, показывали и объясняли, как и куда бить неподъёмным мечом.

Худшей бедой оказалась сестрица Лана, пацана отчётливо к ней тянуло. Да и она постоянно обнаруживалась в поле зрения, чем бы я ни занимался. Лана симпатичная стройная девчонка с льняными волосами до плеч, пронзительно синими глазами, постоянно сильно отвлекала. Видеть её и думать, что мстить придётся и за неё... если бы Горик знал всё тогда, он бы схватил её и увёл, не взирая на шансы выжить в лесу.

Но я-то не мальчишка. Знаю про потайной ход, этот пацан тем путём однажды унёс ноги, потому что кто-то встретил смерть в воротах. Чтобы смогли убежать мама и Лана, в этот раз я пойду с батей и братьями.

Только я серьёзно опасался, что толку от этого будет немного. Нет, я всё понимал – боги там, мистика, меня такого умного сюда занесло. Но едрён корень! Я же мальчишка! Сколько не старался, размахивая батиным мечом – максимум умудрялся не грохнуться с ним на землю. Причём просто махал, бить даже не пытался.

В надежде, боги знают, на какое колдовство, плавно повторял связки, привыкая к его тяжести, приучая мышцы к слаженной работе. Со стороны смотрелось красиво, Лана восторгалась, выворачивая душу из креплений. Ни о каких учебных схватках речи идти не могло. Братцы предлагали потренироваться с деревянным мечом, но я упрямо тягал железяку.

Да на деревяхках я их просто отлуплю, а толку? Морских разбойников в доспехах деревянным мечом не возьмешь. Время уходило на глазах, я с тоской отмечал путь солнышка по небосводу... и вот настал последний рассвет.

Глава 3

Тяжёл отцовский меч мальчишеским рукам,
Но худенькие плечи не согнутся
Под плетью уготованной рабам.
Зовёт сестра, рыдает мать – герой не смеет оглянуться.

Средь тел отца и братьев он лежал,
Из ран ужасных кровью истекая...
Ах, мама, я бы убежал,
Но не живут герои, убегая.

Родимый дом в огне, и пенится прилив
От крови красный в мареве закатном.
– Запомни эти паруса! Ты будешь жить,
Сколь не покроешь долг свой неоплатный!

Твой путь кровав, твоя подруга месть,
Нести погибель твой удел вовеки! –
Посланник Смерти нёс благую весть
Тому мальчишке, выбрав человека.

Он избран, и без жалости разит
Проворен и послушен меч отцовский,
Но рекам крови пламень не залить
Родного дома, жжёт огонь бесовский.

Безлюден, холоден чертог
Души его опаленной по краю,
Когда шагнул мальчишка за порог,
В ручонках тряских грозный меч сжимая.

Первую ночёвку в посёлке я не запомнил, от впечатлений вообще ни о чём не думалось, а ко второй отнёсся уже серьёзней. Мне часто приходилось слышать об «осознанном сновидении», о методиках абстрагирования от собственного тела...

Да мне тут и делать ничего не надо – изначально абстрагирован дальше некуда! С этим, конечно же, нужно бороться, но и грех не использовать. Начал с насущного – с осознания предыдущей жизни Горика, будто лазил по фото-видео архивам.

Сразу получил побочку, по аналогии с воспоминаниями Горислава сознание заносило в собственную прошлую жизнь, и оно принималось осознавать то, что я старался совсем забыть. В принципе я понимал, что это объективный процесс слияния, жить гостем в собственном теле или делить себя на конфликтующие части – клиника без обжалования.

Главное, я понимал, предельно ясно осознал, что всё скоро закончится. Я же раньше старательно забывал войну, неудачную любовь, приют, гибель родителей, чтобы эти воспомина- ния не мешали жить. Но такие уж у меня перспективы, что сейчас это может помешать жить в самую последнюю очередь, так отчего же нет? Какого икса я, собираясь на смерть, убегаю от прошлой жизни?

Горик привычно укладывался, засыпал, и я отстранённо, через восприятие мальчишки-язычника, с его простой и ясной позиции сводил счёты и раздавал долги. Поздравил себя с обретением новой уникальной способности – обычным порядком это потребовало бы несчётных часов самопогружения или привело бы к нервному срыву, а так всё прошло быстро и во сне, не пришлось тупить и терзаться наяву.

Наверное, я рисковал, эта дурацкая моя особенность в самые важные моменты «думать не о том»! Но всё-таки угадал верно – немного разобрался в себе и день Икс встретил с чистой душой, неотягощённой виной и обидами, смог действовать спокойней, рассудочней.

* * *

В последнее утро проснулся, словно от толчка, от мысли «сегодня». Немного смушало, что мысль эта не вызывала никаких отрицательных эмоций, напротив – с тем же примерно чувством я встретил последний день в приюте. Было страшновато-весело, интересно и просто неприлично радостно.

Попытки настроиться на торжественный, героический лад успехом не увенчались – как со стороны отметил, что нетерпеливо приплясываю на месте, умываясь, собираясь. Вот такая я, оказывается, бесчувственная скотинка. Немного взял себя в руки лишь за столом, тому обязывали правила приличия, да и родные лица напомнили кое о чём.

Принял отрешённый, меланхолический вид, отвечал невпопад или совсем не отвечал и добился своего – батя с братьями собрались в кузницу, а меня и звать не стали. Сегодня изнуряющие тренировки в планы не входили, да и простился я уже со всеми... почти.

Мама велела принести воды, а потом отпустила играть. Во дворе забрался по стволу клёна, семейной гордости, на крышу сарая и предался медитации, любясь солнечными бликами в волнах под лазоревым небом.

Главной задачей тогда я считал не настроиться на бой, а не перегореть – всё больше забирало лихорадочное нетерпение. Я и то едва сумел усидеть на месте, а пацан бы и подавно не смог ничего не делать и стараться ни о чём не думать, если б ему и в самом деле нечем было бы заняться.

К счастью загодя предусмотрительно стянул в кузнице нож и чурочку – в хомячестве наши с Гориком наклонности удачно сложились и усилились. Руки и мозги получили общую задачу выстрогать что-нибудь полезное, так что до обеда организм меня от медитации не отвлекал...

Ну, один раз спустился попить квасу и два раза в кусты сбегал. Сидел в тени клёна, строгал деревяшку, любовался небом и морем, не забывая, впрочем, бдительно следить за окрестностями.

Улицы посёлка пустовали, жители занимались обыденными делами, ребятня убежала купаться. По двору, озираясь, прошла Лана, кого-то выглядывала, этот кто-то едва удержался, чтоб не спуститься к ней с крыши. Она ушла играть с подружками. Шоркал ножик, жужжали мухи, сонно ляскали пастями псы – так и запомнились мне мгновения ожидания.

Тени съёжились, стало ощутимо припекать, Горика позвала с крыльца мама. Я критически оценил, что у него получилось выстрогать, в целом одобрил. Шустро спрятал деревяшку за пазуху, ножик сунул в рукав, подвязал тесёмкой. Почти без задержки спустился во двор, мама не успела рассердиться. Велела отнести в кузницу отцу и братцам обед.

Я подхватил корзину, выскочил в калитку и припустил по улице. Энергия требовала хоть какого-то выхода, да и не хотелось драться ни с кем из деревенских ребятшек, а подраться едва не пришлось – мальчишки гурьбой возвращались с купания, заметили меня, что-то припомнили и бросились вдогонку.

«Система» услужливо выдала информацию, кто за мной бежит, почему, в смысле за что, но я сразу «свернул» сообщения и бежал без оглядки, не реагируя на обидные крики и улюлюканье. Никого лично не собираюсь помнить, мне вполне хватает родных.

Убежал легко, даже не запыхался, когда приблизилась кузница, погоня резко сбавила темп и вскоре остановилась в раздумьях – как бы самим не пришлось удирать. В кузне батя с братьями ещё не закончили работу, я в обеденной пристройке смахнул со стола пыль, расстелил полотенце, разложил луковицы, редьку, поставил котелок с кашей да крынку с квасом. Только управился, подошли работники.

Извинился, дескать, есть срочное дело дома, и попросил братьев немного проводить. Парни с понимающими улыбками вышли на дорожку и, сложив ручки на груди, смотрели, как я с независимым видом прошёл мимо ребят, которые «тут просто гуляли случайно».

В посёлке прибавил ходу, не сомневаясь, что ребяташки «случайно гуляют» за мной следом в надежде на мою самоуверенность, да и самим уже пора обедать.

Дома, как и рассчитывал, пообедал вместе с мамой и сестрёнкой. Та же каша, овощи, квас. Под конец трапезы «закапризничал». – Что это мы всё без малины, да без малины, так и зубы выпадут.

Мама удивлённо вздёрнула брови, такого сынок в её присутствии себе никогда не позволял. Лана ехидно заметила, что малинка рядом совсем, как в лес зайдёшь, по медвежьим следам сразу отыщешь.

Я со вздохом вынул поделку Горислава. Парень очень старался – при определённом напряжении фантазии в фигурке можно узнать человечка с дудочкой в руке, прижатой к груди. Или с палкой... или моржа с одним клыком – если б сам не строгал, ни за что б не догадался. Протянул Лане, сказал, что это для неё – всё что могу, мне вообще пора упражняться с отцовским мечом.

Сестрица с интересом разглядывала игрушку, заметила, что если раскрасить, может получиться красиво. Но за малиной идти одной совсем не хочется и страшно. Я загадочно скосил глаза на двери, а вслух грустно согласился. – Ну, нет, так нет.

Поблагодарив маму, вышли, во дворе Лана требовательно посмотрела мне в лицо, я поманил её рукой. – Пойдём.

Под клёном не сразу нашёл секретное место, выкопал заветный стеклянный шарик, незаметно стыренный у заезжих купцов. Бусы рассыпались, и Горик, удачно оказавшись в нужном месте, со всеми бросился собирать на пирсе стекляшки. Бусы собрали и дорого продали – купцы недостатку драгоценных шариков не заметили.

Дал подержать Лане сокровище и обратно зарыл, заявив, что она получит шарик за полный туесок малины.

– А это задаток. – Я вынул из рукава нож и протянул сестрёнке. Она сноровисто убрала его в рукав, потянулась ко мне, чмокнула в щёку! Резко обернулась, метнулась к дому. Я успел крикнуть вслед. – Одна не ходи, позови подружек!

Мог и не говорить, ясное дело. На душе немного посветлело – по моим расчетам девочки должны задержаться в лесу до нападения, если не совсем дуры, возвращаться побоятся, а дальше... посмотрим. На подземный ход надежда слабая, да и нет резона про него рассказывать, всё равно толком объяснить никак не получится.

Я сходил в дом за мечом и вышел на улицу. Даже с завязанным оружием на плече я мог не опасаться мальчишек, ребята хорошо понимали, что за штуку несусь. Оружие погибшего воя священо, сам я могу быть каким угодно засранцем, его память неприкосновенна.

Пацаны встретились за три дома, я опустил голову. Пусть думают, что мне стыдно, да пусть думают, что хотят... только бы никого из них не видеть! Я неспешно загребал ногами пыль с улицы, вокруг смолкали разговоры.

На вечевой площади в тени клёнов присел прямо на траву, положив меч на колени. В отдалении маячили неподвижные фигурки мальчишек, они ждали от меня чего-то. Уходили минуты, сердце ударами отсчитывало секунды, пытаюсь задержать мгновенья – туки-так, так... так...

* * *

Воздух дрогнул и поплыл перед глазами с первым пёсым истошным взывом. Я видел собачий вой как языки чёрного пламени до неба. Рот наполнился знакомым послевкусием – резким, металлическим. По жилам, воспламеняя, пробежал жар, тело низко загудело, я ощутил гул земли, стал его продолжением, эхом. Лёдистый, колющий воздух впивался и разрывал легкие, меня пронзали тысячи разрядов.

Я поднял глаза к небу, через зрачки прямо в мозг ударила молния, сознание затопила слепящая вспышка, мир пропал, стал чёрным, но с каждым разрядом проявлялся, словно изображение на древней фотобумаге. Оно вернулось, то чувство, что я забыл на войне... когда всё предельно ясно, отчётливо видно, слышится каждая секунда и ощущается все сразу невыносимой радостью, несказанной болью...

Я ждал неподвижно, наполняясь весёлой лютостью, перерождаясь. Псы выли почти час, наконец, над посёлком разлетелись дробно-звонкие тревожные удары – пора. Встал, поднял меч... невероятно! Я держал его в вытянутой перед собой руке без усилия! Плавно взмахнул, описывая восьмёрку... гм, что-то мешает...

Недоумённо уставился на тесёмку, левой рукой схватился за ножны, правой раздражённо рванул клинок за рукоять – разрывая рушник, меч легко скользнул на волю. Лоскуты медленно падают наземь, шаг назад, парой взмахов утраиваю их число. Пойдёт для начала. Бросаю ножны на траву, меч на плечо, степенно направляюсь к воротам.

Их уже запирали, когда я остановился напротив, чтобы снова ждать. Время пропало, остались только события. Люди побежали на подмостки. Заревели рога. С тына упал первый защитник, пронзённый стрелой. Когда упал последний, в ворота ударил таран. Грозный окрик Владислава:

– Горислав, бегом домой!

Не оборачиваясь, братья, не сказав ни слова, становятся слева от меня. Нам не нужны слова, наши языки – это наши клинки.

– Горик, нет! – мамин горестный возглас. Она пришла спасать ребёнка, а увидела сына с обнажённым отцовским мечом.

– Горик! – на этот возглас я обернулся, словно ударило током – сестрёнка!

Кричу маме. – Уведи её! Это воля богов! Бегите!

Мать упала на колени в слезах, сестра схватила её за руку, тянет.

Умоляю уже. – Бегите же ради нас!

Мама, словно опомнившись, вскочила, схватила сестрёнку, они, наконец, побежали.

В ворота ударило третий раз – беру разбег, прыжок вперёд, выставив перед собой меч. Грохот и треск четвёртого удара, прижимаю рукоять к груди, группируюсь, сальто и ногами в обломок ворот – тресь. Падаю сбоку от тарана среди мужиков с уже натянутыми луками.

Меч пошёл на первый круг – чмак, чмак, чмак – три сапога остались на нашей земле, а их хозяева начинают заваливаться. Клинок замедлил полёт, отталкиваюсь и в кувырок через оружие. Резко выпрямив ноги, бью сбоку под колено – хрусть. В уши ударил рёв раненого медведя. Не глядя, взмахнул над собой мечом, вражья секира вонзается в землю, разбойник, не удержавшись, заваливается пузом на клинок.

Подтягиваю ноги под себя, на корточки, разворачиваю нанизанную тушу под предназначенные мне удары – я просто чувствую их тени. Три топора в спину, удваиваю! Стряхиваю мертвеца, и сталь берёт плавный разгон по дуге снизу вверх – рука по локоть, рыжебородая челюсть в разлёте алых капель.

Шаг в сторону, в развороте плавно по нисходящей – плечо, локоть, шаг вправо и остриём в бок, пробивая кольчугу. Рев разделился, среди общего воя и лязга услышал своих, Владислава, Добрыню, Пересвета и Броника!

Справа батя с братцами врубилась в копейщиков, из-за их спин выскакивают родовичи, кто с мечом, кто с дубьём. Правило старое – нож идёт за остриём, рукоять к груди, прыжок и колющий удар в грудь здоровяку в доспехах.

Мужики следуют за мной, успеваю прикрыть своих, подставив ополченцев под мечи. Без разницы – они сами ринулись на оружие, наша общая цель – продать жизни подороже, выиграть драгоценное время.

Вражеские воины смешались, сценарий разрушен, звучит наш джаз – это наша песня! Ловлю на себе взгляд Владислава, и снова я остриём пяти клинков – атака в обход ополченцев, пока их не прижали с фланга.

Бью сверху наискосок, враг закрывается щитом, резко сгибаю руки в локтях, прыгаю, закрутившись волчком, врезаюсь в щит спиной – удар отозвался в теле бронзовым гулом. Падаю на ноги сбоку, перехватываю меч и наугад колющий за спину – лезвие преодолевает защиту, вонзается в плоть.

Броник отбивает направленный в меня меч, Пересвет отсекает кисть. Добрыня заскочил за покалеченного разбойника и врезал в спину противнику бати. Владислав порвал дистанцию, ударом кулака смял шлем и череп под ним. Его в плечо достаёт клинок, Броник, потеряв голову, прямолинейно атакует и пропускает выпад в горло. Первый...

Рёбра будто ошпарили, возвращаюсь в бой, инстинктивно отпрыгнув от одного клинка, и тут же уворачиваюсь от другого. Второй – взмахнув руками, валится наземь Пересвет, пронзённый в спину тяжёлым копьём. Всё ясно – ополчения больше нет, противник перестроился.

Владислав с рёвом бросается к врагу в дорогих доспехах, что ж, хороший выбор. Добрыня справа, я слева, для нас главное, чтоб бате не успели помешать. Меч Владислава не смог пробить сверкающий панцирь, скользнул, гигант вбивает меч бате в грудь, он падает на колено.

Добрынюшку ударили в живот, он хватается за лезвие, с ладоней хлещет кровь. Мне обжигает и замораживает левое плечо, успеваю отшагнуть и присесть, над головой пролетает шипастая дубина.

Страшные когти вонзаются в лопатку, меня разворачивает, как во сне плавно качнулся небесный купол, в душе проснулась первая слабенькая нотка, на краю сознания затренькали бубенцы – море, и как море холодные глаза в прорези наличия шлема... Душа запела с небом, морем, сталью в унисон, время остановилось... а-а-а!!!

Все силы, всю страсть, всю ненависть в бросок – отцовский меч срывается молнией, прожигает ледяные глаза. Лезвие с хрустом пробивает переносицу, голову в шлеме запрокидывает вверх, через щель в наличии выплёскивается султан алых брызг, разлетаются веером, рубиновые капли, сверкнув, на миг застывают...

Обжигает спину, во мне нестерпимо полыхнуло, медленно из груди выходит сталь, укаывая на море. Волны качнулись, ахнули вверх, земля вздыбилась, приняла в объятия.

Матушка сыра Земля! Вот и я с тобой, наверное, навсегда... что ты говоришь? Какие паруса? Я ничего не вижу! Кругом дым и пламя, горят дома... в костре до неба мерзостно чадят трупы врагов – им надолго запомнится этот берег. Чёрный дым, пламя над алой пеной прилива, множество тел в волнах – закончен ещё один прибыльный набег.

Чёрный дым и пламя на парусах разбойничьих лодей, среди огня ворон распростёр чёрные крылья. Ты летаешь сквозь мрак, птица смерти, но тебе не преодолеть бездны моей души... я вернусь и сверну твою поганую шею! Отдохну только, может быть, в другой жизни... боги! Как больно! Когда уже закончится этот бред?! Когда я, наконец, умру???

Глава 4

Я должен был умереть и, без всякого сомнения, умер. Неслышно подошла тётенька-смерть, положила на голову ласковую руку, и невыносимая, разрывающая душу боль смягчилась. Почудилось на груди лёгкое дыхание, боль унесло совсем.

Я знал, что за мной пришла смерть, или мне казалось, что это смерть – я ощущал присутствие кого-то прекрасного, очень доброго, по-настоящему меня любящего. Послышался голос, поющий без слов, утешая, баюкая. Я подумал ещё – ну, что за ерунда? А как же кино про всю прожитую жизнь? Даже две жизни... ладно, одну с половиной! Где тоннель и свет в его конце? На совсем уже крайний случай, где провал в преисподнюю? Смерть это просто сон, что ли?

Сознание погрузилось во тьму, вернее, это я потом подумал, что пропало – не было ни ощущений, ни времени, собственно, как и положено по естественнонаучной версии смерти – на самом деле словно произошёл перепад в сети, скачок напряжения.

«Свет» мигнул, и ощущения резко сменились, кто-то услышал меня – я переживал свою жизнь и жизнь Горислава. Сцены сменялись, перекликались, словно две жизни вели некий спор, обменивались аргументами.

Суть спора я не уловил, да мне это и не требовалось – меня переполняли чувства, я жадно любил и восхищался всеми, кого недолюбил и недооценил. Искренне, от всей души злился, презирал и ненавидел...

Наконец, две судьбы слились, некто дотошно разбирал мой опыт, зачем-то показывал в замедленном режиме отдельные картины. Особенно интересным было то, что показывалось всё со стороны – я не мог это видеть и помнить.

Дошли до побоища, его разбирали особенно тщательно, показывая действие с разных ракурсов. Только комментариев и не хватало, типа «мечник 78лвл, хп 10000, защита 200, щит 200, атака 1000...».

Это бред, конечно, мне и без пояснений стало ясно, что в целом маневр со встречной атакой сочли разумным, а исполнение слабеньким, по уму можно было самому загасить, минимум, ещё троих и дать своим больше времени и шансов убить ещё нескольких уродов.

Главное, что я понял, смерть каждого из врагов – это десятки, сотни жизней моего народа. Это очень важно, и нет мне прощения – бой не зачтён, или засчитан условно в надежде на достижение более-менее приемлемых результатов.

На этом месте, по идее, я должен был расстроиться. Ага, три раза! То есть я согласен этому огорчаться три и тридцать или триста раз ещё! Вот прям готов сгорать со стыда после бесчисленных схваток, только бы позволили боги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.